Дата поступления рукописи в редакцию: 10.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-234-239
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

ВАСИЛЬЕВ Андрей Сергеевич,
Юридический институт Томского государственного университета, Томск, Россия,
e-mail: andrey.vasileyv.04@mail.ru

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И МОШЕННИЧЕСТВА (Ч. 5–7 СТ. 159 УК РФ): ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Аннотация. *В статье рассматривается проблема разграничения мошенничества, сопряжённого с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности (ч. 5–7 ст. 159 УК РФ), и гражданско-правового деликта. Анализируются особенности объективных и субъективных признаков специального состава, разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, правовые позиции Конституционного Суда РФ, в том числе Постановление от 29 июня 2026 г. № 43-П. Особое внимание уделено критерию отсутствия реальной возможности исполнить обязательство и его соотношению с предпринимательским риском, а также различию неисполнения и ненадлежащего исполнения обязательства с точки зрения признака безвозмездности хищения. Обосновывается вывод о том, что решающее значение имеют момент возникновения умысла и обоснованность предпринимательского риска, а перечень обстоятельств, названных Пленумом, не является исчерпывающим.*

Ключевые слова: *мошенничество, предпринимательская деятельность, преднамеренное неисполнение договорных обязательств, ненадлежащее исполнение, умысел, предпринимательский риск, ст. 159 УК РФ.*

Для цитирования: *Васильев А. С. Разграничение договорных отношений в сфере предпринимательской деятельности и мошенничества (ч. 5–7 ст. 159 УК РФ): проблемы квалификации // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 234–239.*

VASILYEV Andrey S.,
Law Institute, Tomsk State University, Tomsk, Russia

DELIMITATION OF CONTRACTUAL RELATIONS IN THE SPHERE OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY AND FRAUD (PARTS 5–7 OF ARTICLE 159 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION): PROBLEMS OF QUALIFICATION

Annotation. *The article examines the problem of distinguishing fraud involving deliberate non-performance of contractual obligations in the sphere of entrepreneurial activity (parts 5–7 of Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation) from a civil-law tort. The features of the objective and subjective elements of this special corpus delicti, the explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, including Resolution No. 43-P of June 29, 2026, are analyzed. Particular attention is paid to the criterion of the absence of a real possibility to perform the obligation and its relation to entrepreneurial risk, as well as to the distinction between non-performance and improper performance of an obligation in terms of the gratuitous nature of theft. It is concluded that the decisive factors are the moment the intent arose and the justified nature of the entrepreneurial risk, while the list of circumstances named by the Plenum is not exhaustive.*

Key words: *fraud, entrepreneurial activity, deliberate non-performance of contractual obligations, improper performance, intent, entrepreneurial risk, Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation.*

For citation: *Vasilyev A. S. Delimitation of contractual relations in the sphere of entrepreneurial activity and fraud (parts 5–7 of article 159 of the criminal code of the Russian Federation): problems of qualification. Russian scientific bulletin. 2026;(11):234–239. (In Russ.).*

По данным МВД России за 2024 г., на долю мошенничества (ст. 159–159.6 УК РФ) [1] пришлось 23,3% зарегистрированных преступлений.

Предпринимательское мошенничество части 5–7 ст. 159 УК РФ вновь было закреплено в уголовном законе в 2016 г. (Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ) с намерением провести черту между преступным поведением в бизнесе и обычным, пусть и недобросовестным, нарушением договора. Однако текст нормы и разъяснения Пленума Верховного Суда РФ [2] эту проблему не решили, а в некоторой мере сделали острее.

При квалификации предпринимательского мошенничества ключевой вопрос для правоприменителя и самого предпринимателя состоит в том, как правильно определить: когда деятельность, по природе связанная с риском неисполнения обязательств, становится уголовно наказуемой, а когда свидетельствует о гражданско-правовом деликте [3].

Цель статьи — определить критерии, по которым предпринимательское мошенничество отличается от гражданско-правового нарушения. Для этого предстоит описать особенности состава преступления, предусмотренного ч. 5–7 ст. 159 УК РФ; раскрыть признак преднамеренности и критерий отсутствия реальной возможности исполнения обязательства; связать их с предпринимательским риском; отделить преднамеренное неисполнение обязательства от его ненадлежащего исполнения. Использованы формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы, анализ позиций Конституционного Суда РФ и разъяснений Верховного Суда РФ.

Часть 5 ст. 159 УК РФ — специальная (и более того, привилегированная) норма - по отношению к общему составу мошенничества (ч. 1–4). Отличия касаются дополнительного объекта, предмета, способа и субъекта. Дополнительный объект здесь — отношения, возникающие в ходе предпринимательской деятельности: заключая договор с заранее принятым решением его не исполнять, виновный нарушает не только отношения собственности, но и порядка гражданского оборота.

Согласно примечанию 2 к ст. 159 УК РФ субъектом выступает индивидуальный предприниматель, сохраняющий этот статус на момент совершения деяния, либо лицо, действующее без доверенности от имени коммерческой организации (например, директор). Тот, кто занимается бизнесом без регистрации, под специальную норму не подпадает, и его действия квалифицируются по общему составу мошенничества. Гражданское право исходит из иного: согласно п. 4 ст. 23 ГК РФ гражданин, ведущий предпринимательскую деятельность без регистрации, не может ссылаться на отсутствие у него статуса предпринимателя, и к его сделкам применяются правила о предпринимательских обязательствах. Расхождение очевидно: гражданское право распространяет на фактического предпринимателя специальный режим, а уголовное, напротив, - отказывает ему в применении более мягкой специальной нормы именно из-за отсутствия формального статуса.

В ходе изучения решений высших судебных инстанций установлено, что наиболее значимым для определения круга потерпевших является постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2026 г. № 43-П по жалобе С.Н. Шеврюкова [4]. Директор подрядной организации, прокладывавшей кабель для ПАО «Сахалинэнерго», оставил в земле старый кабель, а в отчёте указал его замену. Суды не стали применять ч. 5 ст. 159 УК РФ, сославшись на то, что учредителем потерпевшей организации является орган, управляющий государственным имуществом, то есть фактически государство. Конституционный Суд РФ совершенно обоснованно признал такое толкование противоречащим Конституции РФ: закон не делает исключений для организаций, созданных публично-правовыми образованиями, и если обе стороны договора отвечают признакам предпринимателя и (или) коммерческой организации, применяется специальный состав, а круг участников потерпевшей стороны значения не имеет. Иное понимание нарушает принципы равной защиты форм собственности, справедливости и правовой определённости. Следовательно, довод о том, что при потерпевших с государственным участием предметом посягательства являются бюджетные средства (его отстаивала, в частности, И.И. Евтушенко [5, с. 18]), больше применяться не может: значима организационно-правовая форма потерпевшего, а не состав его участников.

Отличительная черта состава — преднамеренность неисполнения договорных обязательств, что предполагает: принятие такого решения до заключения сделки или получения имущества. Именно этот признак, его отличие от объективной невозможности исполнения и от обычного предпринимательского риска образует основную трудность квалификации.

В п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48 [2] преднамеренное неисполнение обязательства объяснено

как умышленное полное или частичное неисполнение стороной договора принятого обязательства с целью завладеть чужим имуществом или правом на него путём обмана либо злоупотребления доверием; при этом сторонами должны быть индивидуальные предприниматели и (или) коммерческие организации. Пленум требует, чтобы прямой умысел подтверждался доказательствами по делу, и перечисляет обстоятельства, на которые можно опираться: у лица не имелось и не могло быть реальной возможности исполнить обязательство; скрыты сведения о долгах и залогах; полученные деньги потрачены на личные нужды; при заключении договора использованы фиктивные учредительные документы или подделыные гарантийные письма, и т.п.

Вместе с тем, Верховный Суд РФ подчёркивает, что ни одно из этих обстоятельств само по себе умысла не доказывает, вывод должен основываться на совокупности доказательств. Это указание часто не учитывается на стадии предварительного расследования, из-за чего возбуждаются уголовные дела при наличии между сторонами явных гражданско-правовых отношений. Анализируя судебную практику по таким делам, был изучен значительный массив судебных актов из которых следует вывод, что суды нередко признают ошибочным вменение мошенничества там, где налицо обычный гражданско-правовой спор; наиболее показательным является дело руководителя организации П., обвиняемого по ч. 3 ст. 159 УК РФ в связи с получением излишней оплаты за работы по благоустройству: Пятый кассационный суд общей юрисдикции определением от 23.01.2025 № 77-40/2025 оставил без изменения апелляционное определение, которым уголовное дело было прекращено за отсутствием состава преступления. Суд указал, что подписание актов выполненных работ и распоряжение полученными деньгами «никоим образом не подтверждает его умысел на обман, а является обычными действиями в ходе осуществления предпринимательской деятельности». Кроме того, суд отметил: «Дав правильную и мотивированную оценку положенным в основу приговора доказательствам, суд апелляционной инстанции установил ошибку в действиях лиц, заполняющих документы, и ненадлежащий контроль со стороны П., что не может признаваться мошенничеством, разрешается в порядке гражданского судопроизводства и что было незамедлительно устранено самим П., вернувшим излишне выплаченные деньги после того, как он узнал о допущенной в расчетах ошибке». Однако в следственной практике встречается и обратная ситуация, когда, напротив, в возбуждении уголовного дела при наличии действительного мошенничества необоснованно отказывают.

Наиболее неоднозначным в правоприменительной практике является такой признак мошенничества, как отсутствие реальной возможности исполнения обязательства. Его содержание тесно связано с понятием предпринимательской деятельности. Согласно абз. 3 п. 1 ст. 2 ГК РФ предпринимательская деятельность самостоятельна, осуществляется на свой риск и нацелена на систематическое извлечение прибыли. Отсутствие полной уверенности в исполнении на момент заключения договора — не отклонение, а свойство такой деятельности: предприниматель обычно принимает обязательства, рассчитывая на будущие поступления (оплату от других клиентов, кредит, продажу товара, платежи по иным договорам), и с точки зрения гражданского права это нормальная практика. Принятие обязательств сегодня в расчёте на покрытие их завтрашними доходами составляет саму суть бизнеса и не является признаком преступления.

Поэтому критерий Пленума — у лица «фактически не имелось и не могло быть реальной возможности исполнить обязательство» — следует толковать по существу, а не формально. В нём можно выделить несколько элементов.

Момент оценки: возможность исполнения оценивается на день заключения договора (ex ante), а не с учётом последующих событий (ex post). Срыв сделки, банкротство контрагента, от которого ждали денег, перемена рыночной конъюнктуры и иные позднейшие обстоятельства не превращают законно заключённый договор в мошенничество задним числом.

Субъективная сторона: поскольку прямой умысел должен быть подтверждён доказательствами, одной лишь объективной невозможности исполнения недостаточно: лицо должно осознавать на момент заключения договора, что исполнить его достоверно не получится. Слова «не имелось и не могло быть» означают, что невозможность существует не только в момент заключения, но и в перспективе. Если же человек добросовестно, пусть и чрезмерно оптимистично, рассчитывал исполнить обязательство (в том числе за счёт ожидаемых, но не полученных ресурсов), привлекать его к ответственности лишь потому, что со стороны этот расчёт выглядел рискованным, нельзя — это неудачное ведение дел, а не преступление.

Различие между объективной невозможностью и разумным деловым расчётом: необходимо выяснить на основе того, исключала ли ситуация исполнение вообще (например, у лица нет ни производства, ни работников, ни необходимых разрешений, так что деятельность очевидно фиктивна) либо существовал реальный, хотя и негарантированный план (поступление по друго-

му контракту, получение кредита, поставка от собственного поставщика). В первом случае отсутствие возможности исполнения заведомо и говорит об умысле на хищение; во втором перед нами обычный предпринимательский риск, даже если расчёт позднее не оправдался.

Об отсутствии умысла на хищение свидетельствуют также и подготовительные действия к исполнению обязательства: заключение субподрядов, закупка материалов, найм работников, обращение за лицензией или кредитом. Если же никаких шагов к исполнению нет, а аванс расходуется на цели, не связанные с предметом сделки, это весомо подтверждает заведомость.

Такой подход соответствует позиции Конституционного Суда РФ по утратившей силу ст. 159.4 УК РФ (постановление от 11 декабря 2014 г. № 32-П [6]): мошенничество в предпринимательской сфере предполагает использование договора, который заведомо не будет исполнен, причём не из-за обстоятельств, входящих в предпринимательский риск. Тем самым Суд указал, что заведомое неисполнение следует отличать от обычного риска, и это различие служит основой квалификации.

При изучении судебных актов о доказывании умысла при неполном исполнении договора выявлено, что суды последовательно отделяют задолженность, возникшую при реальном исполнении, от хищения; наиболее показательным является дело руководителя организации, осуждённого по ч. 3 ст. 159.4 УК РФ за неполную оплату полученной от поставщика продукции, Шестой кассационный суд общей юрисдикции определением от 15.11.2022 № 77-5702/2022 прекратил уголовное дело в связи с отсутствием состава преступления. Суд учёл, что «значительная часть денежных средств за поставленную продукцию, в объеме около 85%, поступила» на счета поставщика, а также что у общества «имеются должники за поставленную продукцию». По выводу суда, «сам по себе факт задолженности в размере около 15 % от общего объема поставленной продукции <…> не является достаточным основанием считать доказанным наличие у руководителя организации умысла на хищение».

Обвинительные приговоры по таким делам также нередки, и в изученной практике встречается немало примеров установления заведомости; однако наиболее показательным является дело руководителя строительной организации Н.Р., осуждённого по ч. 3 и ч. 4 ст. 159 УК РФ за хищение авансов по договорам подряда: Сахалинский областной суд апелляционным определением от 12.12.2025 № 22-1130/2025 оставил обвинительный приговор без изменения. Суд указал, что «при отсутствии необходимого количества работников в подчинении, технических средств и строительных материалов, свободных финансовых средств в необходимом объеме, взымая аванс за выполнение им обязательств, Н.Р. заведомо не имел намерений их выполнять». Вывод об умысле подтверждался и последующим поведением осуждённого: он «полученные от аванса денежные средства направлял на личные нужды <…>, а в последующем переставал выходить на связь с потерпевшими».

Отметим, что, по нашему мнению, сформированному в ходе изучения нами значительного массива судебных актов по данной категории дел, зачастую правоприменителем все же действия, направленные на исполнение обязательства, игнорируются путем использования «классических» формулировок обвинения, что такие действия осуществлялись лишь «под видом осуществления исполнения обязательств», «в целях придания правомерности своих действий», «с целью сокрытия» и прочие.

Отдельно стоит вопрос о распоряжении полученными деньгами. Нецелевое расходование полученной предоплаты само по себе умысла на хищение не доказывает. Деньги, переданные по договору, переходят к получателю в собственность, и он вправе распоряжаться ими по своему усмотрению, если договор не обязывает использовать их на определённую цель (как, например, при целевом финансировании). Поэтому траты, не связанные с предметом сделки, приобретают значение для квалификации лишь в совокупности с другими обстоятельствами: бездействием по исполнению обязательства и иными признаками, указывающими на заведомость неисполнения.

Остановимся и на обмане в намерениях — наиболее спорной разновидности обмана при таком мошенничестве. Практика, как показало проведённое нами изучение судебных актов, признаёт его мошенническим, но именно он создаёт наибольший риск объективного вменения: внутреннее намерение на момент заключения сделки никак не проявлено вовне, и установить его можно только по проверяемым обстоятельствам (наличие ресурсов, принятые меры, последующее поведение), а не по предположениям следствия.

Есть и ещё одна проблема. Гражданское право различает исполнение, неисполнение и ненадлежащее исполнение обязательства, тогда как диспозиция ч. 5 ст. 159 УК РФ и разъяснения Пленума говорят лишь о полном или частичном неисполнении. Случаи, когда обязательство исполнено, но с нарушением существенных условий (иной предмет, иные характеристики, иные сроки), буквально этим составом не охватывается.

Принципиально важно отличать полное или частичное неисполнение от ненадлежащего ис-

полнения. При неисполнении контрагент не получает никакого встречного предоставления за переданное имущество; при ненадлежащем — получает, пусть и не соответствующее договору по качеству, комплектности, количеству, срокам или другим параметрам. Это различие сущностное, а не терминологическое, поскольку касается признака безвозмездности, без которого нет хищения (примечание 1 к ст. 158 УК РФ): хищением считается лишь изъятие без предоставления равноценного эквивалента. Если контрагент всё же получил встречное предоставление, имеющее самостоятельную ценность — товар худшего качества или в меньшем количестве, работу с отступлениями от задания, но пригодную к использованию, услугу, оказанную с опозданием, — безвозмездность отсутствует либо присутствует лишь в размере непредоставленного. По своей природе такая ситуация не совпадает с неисполнением и, как правило, не образует хищения всей переданной суммы; она разрешается гражданско-правовыми средствами (ст. 393, 475, 476, 721 ГК РФ): уменьшением цены, возмещением убытков, устранением недостатков, взысканием неустойки.

Обобщив изученные нами дела о ненадлежащем исполнении подрядных обязательств, мы можем описать типичную ситуацию так: подрядчик получил оплату и выполнил работы, но использовал материалы более низкого класса, чем согласовано, либо допустил отступления от проекта, не мешающие использованию объекта. Это ненадлежащее исполнение: заказчик получил реальный результат, имеющий собственную стоимость. Оснований для квалификации как мошенничества нет (если нет иных доказательств умысла обмануть относительно самого факта исполнения): ущерб равен разнице между обещанным и полученным, а не всей оплаченной сумме, и спор решается в гражданском порядке по правилам о подряде.

Иначе обстоит дело в ситуации уже приведенного примера по делу Шеврюкова: имитация исполнения (отчёт о замене кабеля) при том, что старый кабель остался в земле, по сути, означает полное неисполнение этой части обязательства, замаскированное недостоверной отчётностью. Безвозмездность здесь сохраняется в полном объёме стоимости работ по замене, так как реального встречного предоставления заказчик не получил.

Исходя из сказанного, дополнительно к критериям Пленума можно предложить следующие признаки, отделяющие предпринимательское мошенничество (ч. 5–7 ст. 159 УК РФ) от гражданско-правового нарушения в виде неисполнения или ненадлежащего исполнения договора.

Первым признаком является момент возникновения умысла. Для квалификации деяния по ч. 5–7 ст. 159 УК РФ значим только умысел, сложившийся до или в момент заключения договора (возникновения обязательства). Если намерение не исполнять возникло после получения имущества из-за изменившихся обстоятельств, конъюнктуры или потери интереса к сделке, уголовной ответственности за хищение нет, наступают лишь гражданско-правовые последствия.

Вторым - объективность препятствий. Решающее значение имеет не то, что на момент заключения договора исполнение не было гарантировано, а то, существовали ли обстоятельства, делавшие его невозможным в принципе, в отличие от разумного расчёта на будущие поступления, свойственного нормальному риску.

Третьим - характер обмана. Обман должен касаться существенных для контрагента условий и лежать в основе передачи имущества. Переговорные приёмы, преувеличение своих возможностей (так называемый sales talk, на который, по замечанию Е.А. Русскевича [7], другая сторона не вправе всерьёз опираться) и заблуждение о несущественных обстоятельствах мошенничества не образуют.

Четвёртым - поведение после получения имущества. В пользу мошенничества говорят сокрытие имущества, уклонение от контактов, имитация исполнения с помощью подложных документов; в пользу гражданско-правового спора — открытое поведение, переговоры об урегулировании, частичное исполнение или возмещение убытков.

Пятым - реальная хозяйственная деятельность. Если регистрация в качестве предпринимателя или организации формальна и намерения вести бизнес нет, специальная норма не применяется, и деяние квалифицируется по общим частям ст. 159 УК РФ.

Шестым - обоснованность предпринимательского риска. Если неисполнение вызвано обоснованным риском, то есть на момент заключения договора у лица были разумные, пусть и не абсолютные основания рассчитывать на исполнение (ожидаемые платежи по другим контрактам, планируемый кредит, реально существовавшая, но не реализовавшаяся возможность), состава мошенничества нет, так как отсутствует заведомость неисполнения. Обоснованность оценивается по тем же параметрам, что описаны выше (оценка на дату заключения, осознание лицом реальности расчёта, предпринятые меры), и с учётом обычной практики соответствующей сферы бизнеса, а не по эталону безрискового поведения.

Седьмым - противоправность самой деятельности. Ч. 5–7 ст. 159 УК РФ возможно при-

менять лишь тогда, когда договор заключён в рамках законной предпринимательской деятельности. Если деятельность изначально преступна, например сбыт наркотических средств или незаконная продажа оружия, она не может быть признана предпринимательской, даже когда такие отношения облечены в соответствующую гражданско-правовым отношениям форму (договор). Предмет такой сделки изъят из оборота, и защищаемых правом обязательств она не порождает.

Подводя итог, отметим: разграничение предпринимательского мошенничества и гражданско-правового нарушения нельзя строить на формальных признаках — наличии договора, факте неисполнения или размере ущерба. Решают момент возникновения и направленность умысла, а также то, что у лица на момент заключения договора фактически не имелось и не могло быть реальной возможности исполнения; обоснованный предпринимательский риск состав мошенничества исключает. Разъяснения Пленума не исчерпывают всех критериев, поэтому вывод об умысле требует оценки совокупности доказательств.

Список литературы:

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в действ. ред.).

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» (в действ. ред.).

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в действ. ред.).

[4] Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2026 г. № 43-П «По делу о проверке конституционности статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Шеврюкова Сергея Николаевича».

[5] Евтушенко И.И. Уголовно-правовая характеристика мошенничества в сфере предпринимательской деятельности (ч. 5–7 ст. 159 УК РФ): проблемы квалификации // Общество и право. 2018. № 1 (63). С. 17–22.

[6] Постановление Конституционного Суда РФ от 11 декабря 2014 г. № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа».

[7] Русскевич Е.А. Мошенничество или ненадлежащее исполнение договорных обязательств: применение стандарта доказывания prima facie как способ обеспечения стабильности экономических отношений // Уголовное право. 2025. № 12.

References:

[1] The Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ (in force. ed.).

[2] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 15, 2016 No. 48 "On the practice of the application by the courts of legislation regulating the specifics of criminal liability for crimes in the field of entrepreneurial and other economic activity" (in action. ed.).

[3] Civil Code of the Russian Federation (Part One) No. 51-FZ dated November 30, 1994 (in Act. ed.).

[4] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 29, 2026 No. 43-P "In the case of checking the constitutionality of Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen Shevryukov Sergey Nikolaevich.".

[5] Yevtushenko I.I. Criminal law characteristics of fraud in the field of entrepreneurial activity (part 5-7 of article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation): problems of qualification // Society and law. 2018. № 1 (63). S. 17-22.

[6] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 11, 2014 No. 32-P "In the case of checking the constitutionality of the provisions of Article 159.4 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the request of the Salekhard City Court of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug.".

[7] Russkevich E.A. Fraud or improper performance of contractual obligations: application of the prima facie standard of proof as a way to ensure the stability of economic relations // Criminal law. 2025. № 12.